

Отрывок из стихотворения «Алфавит» военной невесты Иды Фолкнер, взятый из книги Джоанны Ламли «Солдатские возлюбленные», воспроизведен с любезного разрешения «Bloomsbury Publishers» и Британского военного музея.

Отрывок из книги «Арктические конвои 1941–1945» Ричарда Вудмана приведен с любезного разрешения «John Murray (Publishers) Ltd.».

Выдержки из газет «Сидней мониторинг геральд», «Дейли мейл» и «Дейли миррор» приведены с любезного разрешения соответствующих издательских групп.

Выдержки из архива Эвис Р. Уилсон приведены с любезного разрешения ее наследников и Британского военного музея.

В романе также приведены отрывки из книг «Вино, женщины и война» Л. Тромена, бывшего матроса с авианосца «Викториес» (издательство «Regency Press»), и «Особый вид службы» Джоан Кроуч («Alternative Publishing Cooperative Ltd. (APCOL)», Австралия). Что касается выдержек из австралийских СМИ «The Bulletin» и «The Truth», то все попытки связаться с правообладателями не увенчались успехом, поэтому «Hodder and Stoughton», а также автор были бы рады принести свою благодарность, если правообладатели сочтут нужным с ними связаться.

Благодарности

Написание этой книги потребовало проведения серьезной исследовательской работы, что было бы невозможно без великодушной помощи, оказанной самыми разными людьми. Во-первых, хочется поблагодарить лейтенанта Саймона Джонса за бесконечное терпение при объяснении всех подробностей жизни на борту авианосца, а также за блестящий совет, как вдохнуть жизнь в описанный мной корабль. Спасибо тебе, Саймон. Все остальные ошибки остаются исключительно на моей совести.

Огромная благодарность Королевскому военно-морскому флоту, в частности лейтенанту-командеру Иэну Макквину, лейтенанту Эндрю Дж. Линсли и экипажу авианосца «Инвинсибл» за разрешение побывать на борту корабля.

Я очень благодарна Нилу Маккарту из «Fan Publications» за разрешение воспроизвести отрывки из его великолепной и очень информативной книги «Авианосец „Викторис“». А также Лиаму Халлигану из редакции новостей Четвертого канала за то, что познакомил меня с блестящим фильмом Линдси Тейлора «Смерть в Гадани. Крушение „Канберры“».

Доступ к неопубликованным личным дневникам позволил мне проникнуться духом эпохи и колоритом того времени, когда меня еще не было на свете. В этой связи мне хочется поблагодарить Маргарет Стемпер за возможность ознакомиться с чудесным дневником ее мужа, где описана жизнь на море, и привести отрывки из этого дневника, а также Питера Р. Лоури за то, что любезно разрешил воспользоваться дневником отца, и конструктора кораблей Ричарда Лоури. Большая благодарность Кристоферу Ханту и персоналу читального зала Британского военного музея, а также сотрудникам отдела газет Британской библиотеки в Колиндейле.

ДЖОДЖО МОЙЕС

Огромное спасибо маме и папе, Сэнди (Брайану Сандерсу), обладателю роскошной коллекции книг по военной тематике, Энн Миллер из «Arts Decoratifs», Кэти Рансиман, Руфь Рансиман, Джулии Кармайкл и сотрудникам «Harts» в Саффрон-Уолден. Спасибо Кэролин Мейс, Алексу Бонему, Эмме Лонгхёрст, Хейзел Орм и всем остальным в «Hodder and Stoughton» за помощь и поддержку. Также хочется сказать спасибо Шейле Кроули и Линде Шонесси из «AP Watt».

И конечно, самая глубокая благодарность Чарльзу за ценные советы и помощь в редактировании. Я оценила твою любовь, заботу о детях и умение выглядеть заинтересованным всякий раз, когда я рассказывала очередной факт об авианосцах.

Но самая большая благодарность моей обожаемой бабушке Бетти Макки, которая с верой и надеждой в душе совершила то самое путешествие и таким образом дала мне сюжет для этой книги. Думаю, дедушка мог бы мной гордиться.

В 1946 году Королевские ВМС приступили к завершающей фазе доставки военных невест — женщин и девушек, которые вышли замуж за английских военных, несущих службу в зарубежных странах. Некоторые были доставлены транспортом для перевозки войск или специальными лайнерами. Однако 2 июля 1946 года около 655 военных невест из Австралии предприняли уникальное морское путешествие: чтобы встретиться со своими британскими мужьями, они совершили плавание на борту авианосца «Викториес».

Во время этого путешествия, продолжавшегося почти шесть недель, их сопровождали 1100 военнослужащих и 19 самолетов. Самой юной невесте было пятнадцать. По крайней мере одна из них успела овдоветь еще до прибытия в пункт назначения. Моя бабушка Бетти Макки оказалась в числе тех счастливиц, кого судьба щедро вознаградила за их подвиг.

И сей вымышленный отчет об этом путешествии я хочу посвятить своей бабушке и всем невестам, нашедшим в себе достаточно мужества, чтобы отправиться за своим счастьем на другой конец света.

*Джоджо Мойес
Июль 2004 года*

NB. Все выдержки подлинные, они описывают то, что пришлось пережить военным невестам и тем, кто служил на «Викториесе».

Пролог

Когда я впервые увидела его много лет спустя, мне показалось, будто меня оглушили.

Я тысячу раз слышала это выражение, но только теперь поняла его истинное значение: моя память не сразу сумела отреагировать на то, что предстало перед моими глазами, и я испытала настоящий шок, словно меня действительно ударили по голове. Меня вовсе нельзя назвать трепетной. И я не выношу красивых слов. Но могу признаться честно, что я буквально задохнулась.

Ведь я не ожидала увидеть его вновь. Тем более в таком месте. Я давным-давно похоронила воспоминания о нем в самом нижнем ящике своей памяти. Причем не только его образ, но и то, что он значил для меня. А еще все то, через что он заставил меня пройти. И только по прошествии многих лет, а на самом деле вечности я смогла понять, что он для меня сделал. Так или иначе, с ним было связано все лучшее и все худшее, что со мной случилось в этой жизни.

Однако я испытала не только шок, но и неподдельную печаль. Мои воспоминания сохранили его таким, каким он был тогда — много-много лет назад. И вот теперь, увидев

его в окружении всех этих людей, состарившегося и словно уменьшившегося в размерах... я не могла не подумать о том, что ему здесь не место. Я оплакивала того, который в свое время был прекрасным, величественным и безупречным, а теперь превратился в...

Даже и не знаю. Возможно, я не вполне справедлива. Ведь все течет, все изменяется. Разве нет? Если честно, встреча с ним стала очередным напоминанием о том, что я тоже не вечна. А еще о том, какой я когда-то была. И о том, какими мы все, должно быть, стали.

В любом случае я нашла его там, где раньше никогда не бывала и где, по идее, не должна была быть. Или, возможно, он нашел меня.

Наверное, до той самой минуты я не верила в судьбу. А зря. Ведь иначе невозможно даже себе представить, каким ветром нас обоих сюда занесло.

И иначе невозможно понять, как, несмотря на разделяющий нас бескрайний океан и континенты, нам довелось встретиться снова.

Индия, 2002 год

Ее разбудила громкая перепалка. Шумная, взрывная, визгливая — так лает чужая неладное маленькая собачонка. Старуха отвернулась от окна, потеряла шею — холодный воздух от кондиционера пробирал буквально до костей — и попыталась выпрямиться. Со сна женщина не совсем хорошо понимала, где она находится и кто она такая. Сперва она уловила некую ритмическую гармонию голосов, а затем начала различать и слова, вернувшие ее из тяжелого забытья в реальность.

— Я не говорю, что не люблю дворцы. Или храмы. Я просто хочу сказать, что провела здесь вот уже две недели, а настоящей Индии так и не видела.

— Интересно, за кого ты меня принимаешь? За виртуального Санджая? — Его голос, донесшийся с переднего сиденья, звучал слегка насмешливо.

— Ты прекрасно понимаешь, что я имела в виду.

— Я индиец. Рам тоже индиец. И хотя полжизни я провел в Англии, все равно остаюсь индийцем.

— Ой, да брось, Джай! Ты совсем не типичный.

— Не типичный? По сравнению с кем?

— Ну, я не знаю. По сравнению с большинством людей, что здесь живут.

Молодой человек решительно покачал головой:

— Ты хочешь увидеть, как живут бедняки.

— Вовсе нет.

— Хочешь вернуться домой и рассказать своим друзьям обо всех ужасах, которые тебе довелось повидать. О том, что они даже понятия не имеют, что такое настоящие страдания. А от нас ты пока смогла получить только кока-колу и кондиционированный воздух.

После его слов раздался взрыв смеха. Старуха, прищурившись, посмотрела на часы. Половина одиннадцатого. Выходит, она проспала почти час.

Сидевшая рядом с ней внучка сунула голову в зазор между спинками передних сидений:

— Послушай, я хочу узнать, как здесь действительно живут люди. А если следовать исключительно путеводителям, то можно увидеть только роскошные дворцы или торговые центры.

— А тебе нужны трущобы.

— Мисс Дженнифер, могу пригласить вас к себе домой. Теперь это самая настоящая трущоба, — послышался с водительского сиденья голос мистера Вагхелы. А когда молодые люди проигнорировали его замечание, он добавил: — Приглядитесь получше к мистеру Раму Б. Вагхеле, и вы увидите перед собой абсолютно нищего и бесправного

человека. Сам удивляюсь, как я сумел продержаться столько лет.

— Мы тоже. Каждый день удивляемся, — заметил Санджай.

Старуха выпрямилась и поймала свое отражение в зеркале заднего вида. Волосы с одного бока примялись, воротничок оставил на бледной коже багровую полосу.

— Ба, ты в порядке? — оглянулась Дженнифер. Джинсы у нее слегка сползли с бедер, демонстрируя всему свету крошечную татуировку.

— Прекрасно, дорогая. — Интересно, а Дженнифер говорила ей, что сделала татуировку? Она пригладила волосы, пытаясь вспомнить, но так и не смогла. — Дико извиняюсь. Я, кажется, задремала.

— Не стоит извинений, — сказал мистер Вагхела. — Мы, граждане в возрасте, должны иметь право на отдых, когда это нам необходимо.

— Рам, похоже, ты намекаешь на то, чтобы я сменил тебя за рулем, да? — спросил Санджай.

— Нет-нет, мистер Санджай, сэр! Не хотелось бы прерывать вашу увлекательную беседу.

Глаза стариков встретились в зеркале заднего вида. Он однозначно ей подмигнул, а она, еще плохо соображая со сна, заставила себя улыбнуться в ответ.

По ее прикидкам они были в дороге уже около трех часов. Их поездка в Гуджарат, идея которой возникла у них с Дженнифер в самую последнюю минуту, нарушив тщательно составленный график тура, началась как увлекательное приключение («Ба, родители моего приятеля из колледжа — Санджая — обещали приютить нас на пару ночей! У них там потрясающий дом, по типу дворца! Всего несколько часов езды!»), но обернулась самой настоящей катастрофой, поскольку из-за сложностей с расписанием полетов у них оставался всего один день на обратную дорогу

в Бомбей, чтобы успеть на стыковочный рейс самолета, который должен был доставить их домой.

Изрядно утомленная путешествием, она совсем пала духом. Для нее Индия оказалась тяжелым испытанием, слишком сильной нагрузкой на нервную систему, даже с учетом кондиционированных автобусов и четырехзвездочных отелей, и мысль о поездке в Гуджарат, каким бы роскошным там ни был дом Сингхов, приводила ее в ужас. Но затем миссис Сингх предложила им свою машину с водителем, чтобы «дамы» успели на самолет домой. И это несмотря на то, что до аэропорта было добрых четыре сотни миль.

«Вы ведь не захотите болтаться на железнодорожных вокзалах, — заявила она, деликатно показав на золотистые волосы Дженнифер. — Тем более без сопровождающих».

«Я сам могу отвезти их», — запротестовал Санджай, но его мать прошептала что-то насчет страхового требования и лишения водительских прав, а потому сын согласился сопровождать мистера Вагхелу, дабы проследить, что все будет нормально, если их вдруг остановят. Вот такие дела. В свое время ее раздражало бытующее мнение, что путешествующие в одиночестве женщины не в состоянии сами о себе позаботиться. Но теперь она была даже признательна за такую старомодную любезность. Ей вовсе не улыбалось осваивать в одиночестве эту чужую местность, при этом постоянно беспокоясь о своей бесшабашной внучке, которой море по колено. Ей уже несколько раз хотелось предостеречь внучку, но она вовремя себя одергивала, понимая, что все ее аргументы будут невняты и неубедительны. И вообще, молодые имеют право ничего не бояться. Ведь в ее годы она была точно такой же!

— Мэм, вам удобно там, сзади?

— Я в порядке, спасибо, Санджай.

— Боюсь, нам еще ехать и ехать. Не самое легкое путешествие.

— Должно быть, тяжело столько сидеть, — пробормотал мистер Вагхела.

— Очень мило с вашей стороны, что вы нас взяли.

— Джай! Ты только посмотри!

Она увидела, что они свернули с оживленной трассы и попали в городские трущобы со множеством складских помещений, забитых пиломатериалами и стальными балками. Дорога, которая была огорожена забором, представлявшим собой хаотически наложенные друг на друга куски железа, оказалась сплошь в рытвинах и ухабах, так что даже мотороллеры и самые быстроходные транспортные средства тащились со скоростью не более пятнадцати миль в час. Черный «лексус» теперь полз в горку, его мотор недовольно ворчал, когда машине приходилось неожиданно огигать выбоины от копыт коров, целеустремленно бредущих, словно на зов сладкоголосых сирен, в каком-то только им одним известном направлении.

Но внимание Дженнифер привлекли отнюдь не коровы (на этих животных они уже успели насмотреться), а гора белых керамических раковин — сливные трубы торчали во все стороны, точно перерезанные пуповины. Неподалеку они увидели целую грудку матрасов, а рядом с ней — нечто напоминающее хирургические столы.

— Это с кораблей, — заметил мистер Вагхела, ни к кому собственно не обращаясь.

— Как вам кажется, мы сможем остановиться? — спросила она. — Где мы находимся?

Водитель ткнул корявым пальцем в лежавшую рядом карту:

— В Аланге.

— Только не здесь, — нахмурился Санджай. — Помоему, это не самое подходящее место.

— Дайте-ка посмотреть. — Дженнифер снова наклонилась вперед. — Наверное, нам стоит свернуть. Куда-нибудь, где будет... немного живописнее.

— Конечно, надо свернуть, — сказала старая женщина, разглядывая пыльную дорогу, на обочине которой сидели на корточках какие-то мужчины.

Но похоже, ее никто не слышал.

Старуха беспокойно поерзала на сиденье. Она отчаянно хотела пить и вытянуть ноги. А еще не отказалась бы сходить в уборную, но за короткое время, проведенное в Индии, она уже успела усвоить, что посещение туалета за пределами гостиницы — испытание не для слабонервных.

— У меня есть предложение, — заявил Санджай. — Давайте купим пару бутылок колы и остановимся где-нибудь за городом, чтобы размять ноги.

— Это что, типа, город на свалке? — Дженнифер сощурилась на кучу вышедших из употребления холодильников.

Санджай махнул рукой водителю:

— Рам, остановись у этого магазинчика. Рядом с храмом. Возьму каких-нибудь прохладительных напитков.

— Мы возьмем каких-нибудь прохладительных напитков, — отрезала Дженнифер. «Лексус» затормозил у обочины. — Ба, посидишь в машине, хорошо?

Не дожидаясь ответа, они оба выскочили из машины, впустив в искусственную прохладу салона волну раскаленного воздуха, и со смехом вошли в опаленный солнцем магазинчик.

Неподалеку расположилась еще одна группа мужчин. Они что-то пили из жестяных кружек, время от времени лениво и с удовольствием сплевывая. На «лексус» они смотрели с полнейшим равнодушием.

Она сидела в машине, чувствуя себя неудобно, слишком на виду, и прислушивалась к замирающему гулу мотора. За окном от земли поднималось жаркое марево.

Мистер Вагхела повернулся к ней с переднего сиденья:

— Мэм, разрешите поинтересоваться. А сколько вы платите своему водителю?

Он уже в третий раз спрашивал ее об этом, причем всегда в отсутствие Санджая.

— У меня его нет.

— Как?! И кто же вам тогда помогает?

— Ну, ко мне приходит одна девушка, — неуверенно ответила она. — Аннетт.

— А у нее есть своя квартира?

Она подумала об аккуратном домике Аннетт с геранью на подоконнике.

— Да, можно и так сказать.

— Оплачиваемый отпуск?

— Боюсь, что точно не знаю.

Она собралась было сформулировать их с Аннетт трудовые отношения, но мистер Вагхела ее перебил:

— Сорок лет я работаю на эту семью и в результате имею только одну оплачиваемую неделю отпуска раз в году. И я уже начинаю подумывать о том, чтобы организовать профсоюз, *yaar*¹. У моего двоюродного брата дома есть Интернет. И мы смотрим, как это работает. Дания. Хорошая страна для защиты прав трудящегося человека. — Он повернулся к ней спиной и кивнул: — Пенсия, больницы... образование... Нам всем следует работать в Дании.

Она на минуту притихла.

— Я там никогда не была, — наконец сказала она.

Старуха следила за молодыми людьми — ее белокурой головой и его темноволосой, — входившими в придорожный магазинчик. Дженнифер говорила, что они просто друзья, хотя два дня назад бабушка слышала, как внучка крадется по выложенному кафельной плиткой коридору в комнату Санджая. На следующий день оба резвились как дети.

1 *Yaar* (хинди) — дружеское неформальное обращение. — Здесь и далее прим. перев.

«Ты влюблена в него?» Этот осторожный вопрос, казалось, оскорбил Дженнифер до глубины души: «Боже мой, да ты что, бабуля! Я и Джай... Ой, нет... Мне не хочется никаких серьезных отношений. Он знает».

И она снова вспомнила себя в этом возрасте: охватывающий ее дикий ужас, когда она оказывалась единственной женщиной в мужской компании, мрачную решимость до конца жизни остаться одной, хотя и по совсем другой причине. А затем бросила взгляд вслед Санджаю, который, вопреки заверениям внучки, похоже, не совсем понимал положение дел.

— А вы знаете, что это за место? — Мистер Вагхела положил в рот очередную порцию бетеля. Его зубы стали красными.

Она молча покачала головой. Теперь, когда кондиционер не работал, температура в салоне машины медленно, но верно повышалась. Во рту пересохло, и она с трудом сглотнула. И она уже неоднократно говорила Дженнифер, что не любит колу.

— Аланг. Самое большое в мире кладбище старых кораблей.

— О... — Женщина постаралась выглядеть заинтересованной, хотя в действительности чувствовала себя смертельно уставшей и больше всего на свете хотела поскорее тронуться в путь.

Бомбейский отель, до которого еще ехать и ехать, казался ей оазисом в пустыне. Она посмотрела на часы. Неужели, чтобы купить две бутылки прохладительного, требуется целых двадцать минут?!

— Здесь четыреста верфей. А еще куча народу, способного за несколько месяцев разобрать корабль до последнего винтика.

— О...

— И знаете, абсолютно никакой защиты прав трудящихся. Они получают в день один фунт, рискуя жизнью и здоровьем за этот несчастный фунт.

— Неужели?

— Некоторые из самых больших кораблей мира закончили здесь свой век. Вы не поверите, что иногда оставляют хозяева на круизных судах! Обеденные сервизы, ирландский лен, музыкальные инструменты, которых хватило бы на целый оркестр. — Он вздохнул. — Иногда от всего этого становится по-настоящему грустно, уаар. Такие прекрасные корабли — и идут на металлолом!

Старуха наконец оторвала взгляд от двери магазина и попыталась изобразить некоторое подобие интереса. Молодые бывают такими легкомысленными! Она закрыла глаза. Всегда такая уравновешенная, сейчас она чувствовала, что усталость и жажда с каждой минутой все больше отравляют ей настроение.

— Говорят, что на дороге в Бхавнагар можно купить что угодно: стулья, телефоны, музыкальные инструменты. Там продают все, что можно найти на судне. Мой шурин работает на одном из таких судоразделочных предприятий в Бхавнагаре, уаар. Он весь дом обставил вещами со старых кораблей. И теперь его дом стал похож на дворец. Можете себе представить? — Он поковырялся в зубах. — Все-все, что только можно оттуда снять. Хм. Не удивлюсь, если они продают барахло вместе с командой.

— Мистер Вагхела.

— Да, мэ?

— Это кафе?

Прервав свой монолог, мистер Вагхела посмотрел, куда она тычет пальцем. Перед магазинчиком на пыльной обочине были беспорядочно расставлены столики со стульями.

— Да, типа того.

— Тогда не могли бы вы оказать любезность проводить меня туда и заказать мне чашечку чая? Похоже, у меня больше нет сил ждать внучку.

— С превеликим удовольствием, мэ. — Он вылез из машины и распахнул перед ней дверь. — Ох уж эта моло-

дежь, уааг! Никакого уважения к старшим. — А когда она с благодарностью оперлась на протянутую ей руку и, подслеповато шурясь от тусклых лучей солнца, вышла из машины, добавил: — Я слышал, что в Дании все по-другому.

Молодые люди вышли, когда она уже пила чашку того, что мистер Вагхела назвал «чаем по особому заказу». Чашка оказалась выщербленной, но на вид вполне чистой, а человек, который их обслуживал, устроил из чаепития целое шоу. Ей пришлось отвечать на неперемменные вопросы о своих путешествиях, хотя мистер Вагхела изо всех сил попытался заверить хозяина заведения, что она не знакома с кузеном последнего из Милтон-Кейнс. А затем, заплатив за стакан *chai*¹ для мистера Вагхелы (и липкие засахаренные фисташки — для поддержания сил, ну, вы понимаете), она просто осталась сидеть под навесом, глядя на то, что, как она теперь знала, находилось за стальным забором: переливающееся бескрайнее синее море.

Неподалеку от них в тени дерева стоял небольшой индуистский храм, к которому с двух сторон притулились кособокие постройки, приспособленные для удовлетворения самых различных нужд работающих на разборке: палатка цирюльника, сигаретный киоск, лоток торговца яйцами и фруктами, еще один — с велосипедными запчастями. И только через несколько минут до нее дошло, что она здесь единственная женщина в поле зрения.

— А мы-то гадаем, куда вы подевались?

— Полагаю, что никуда особенно. Мы с мистером Вагхелой отошли всего на несколько ярдов. — Ее тон был немного резче, чем хотелось бы.

— Не уверен, что нам стоит здесь задерживаться, — с плохо скрытым раздражением сказал Санджай, бросив мрачный взгляд сперва в сторону группы мужчин, а затем — своей машины.

1 *Chai* (инд.) — чай с молоком и со специями.

— Мне срочно надо было выйти, — отрезала она. — Мистер Вагхела любезно помог мне. — Она прихлебывала чай, оказавшийся на удивление вкусным. — Я нуждаюсь в передышке.

— Конечно-конечно. Я просто имел в виду, что хотел бы найти для вас нечто поживописнее, ведь сегодня последний день вашего отпуска.

— Меня все вполне устраивает. — Ей сразу полегчало, жару смягчал легкий бриз. После бесконечного наматывания мили за милей пыльной дороги безмятежные лазурные воды действовали успокаивающе. Где-то вдали слышалось позвякивание металла о металл и завывание отрезной машинки.

— Вау! Вы только посмотрите на эти корабли!

Дженнифер оживленно махала в сторону берега, где ее бабушка с трудом разглядела корпуса огромных судов, которые напоминали выброшенных на песок китов. Она слегка опустила веки, пожалев, что оставила в машине очки.

— Так это и есть судоразделочное предприятие, о котором вы говорили? — спросила она мистера Вагхелу.

— Четыре сотни судов, эм. Покрывают все побережье. Растянулись на десять километров, не меньше.

— Похоже на кладбище слонов, — заметила Дженнифер и несколько высокопарно добавила: — Куда приходят умирать корабли. Ба, хочешь, сбегая за твоими очками? — Она вдруг стала очень уступчивой и внимательной, словно таким образом извинялась за то, что слишком долго проторчала в магазине.

— Было бы очень мило с твоей стороны.

При иных обстоятельствах, впоследствии думала она, бескрайний песчаный берег вполне мог бы украсить туристический буклет. Здесь голубой небесный свод серебряной аркой встречался с горизонтом, а где-то вдали, за ее спиной, тянулась гряда синих гор. Однако, надев очки,

она увидела, что песок посерел от ржавчины и машинного масла, а береговая полоса буквально испещрена остовами судов, расположенными с промежутками в четверть мили, а также огромными искореженными кусками металла и демонтированными внутренностями погибших кораблей.

Недалеко от них у самой кромки воды, растянувшись цепочкой, сидела на корточках группа мужчин в выцветших сине-бело-серых спецовках. Они следили за тем, как от белого корпуса корабля, заякоренного в нескольких сотнях футов от берега, отделяется рубка и тяжело падает в море.

— Не совсем обычный аттракцион для туристов, — произнес Санджай.

Дженнифер, приложив козырьком руку к глазам, напряженно вглядывалась вдаль. Старуха смотрела на ее голые плечи и задавала себе вопрос: а не стоит ли посоветовать внучке прикрыться?

— Именно об этом я и говорила. Ну давай, Джай, пойдем посмотрим!

— Нет-нет, мисс. Не уверен, что это хорошая идея. — Мистер Вагхела наконец допил свой чай. — Судоразделочная верфь не самое подходящее место для дам. И вообще, вам надо получить разрешение от портовых служб.

— Рам, я только хочу посмотреть. И вовсе не собираюсь орудовать сварочной горелкой.

— Мне кажется, тебе стоит послушаться мистера Вагхелу, дорогая. — Она поставила чашку, прекрасно понимая, что их присутствие в придорожном кафе не осталось незамеченным. — Это рабочая зона.

— Но сейчас же уик-энд. И вряд ли ведутся какие-нибудь работы. Ну давай же, Джай! От них не убудет, если мы пять минут посмотрим.

— Там на воротах охрана, — попытался урезонить подругу Санджай.

Старуха понимала, что явное нежелание Санджая рисковать борется с желанием казаться в глазах Дженнифер ее защитником и рубахой-парнем.

— Дженнифер, дорогая... — начала она в надежде помочь Санджаю выйти из неловкого положения.

— Пять минут! — Дженнифер буквально подпрыгнула на месте от нетерпения. И в следующую секунду она уже оказалась на середине дороги.

— Я лучше пойду с ней, — сдался Санджай. — Заставлю ее оставаться в пределах видимости.

— Молодежь, — задумчиво жуя, произнес мистер Вагхела. — Они не понимают слова «нет».

Мимо них прогромыхал огромный грузовик, кузов был набит скрученными листами железа, за которые с риском для жизни цеплялись шесть-семь человек.

Когда грузовик проехал, она увидела, что Дженнифер разговаривает с охранником на воротах. Девушка улыбалась и время от времени проводила рукой по белокурым волосам. Затем порывалась в сумке и протянула ему бутылку колы. А когда Санджай наконец присоединился к ней, ворота уже открылись. И вот парочка пропала из виду, а через пару секунд она заметила на берегу их крошечные фигурки.

Прошло почти двадцать минут, прежде чем она или мистер Вагхела рискнули сказать, что они оба думают по этому поводу. Молодые люди явно куда-то запропастились, и вообще давно пора ехать дальше. И поэтому, пожалуй, надо пойти их поискать.

Чай вернул ее к жизни, и она постаралась подавить раздражение, вызванное эгоистичным, безрассудным поведением внучки. В то же время старуха понимала: подобная реакция отчасти объясняется страхом, что с девушкой, находившейся в данный момент под ее опекой, может слу-

читься беда. Что она, старая и беспомощная, несет за внучку ответственность и здесь, в этом незнакомом, странном месте, совершенно не в состоянии контролировать ситуацию.

— Знаете, она ведь не носит часов.

— Думаю, нам следует за ними сходить, — сказал мистер Вагхела. — Наверняка они потеряли счет времени.

Она позволила ему отодвинуть стул и с благодарностью приняла его руку. Его рубашка на ощупь казалась пергаментной, словно была тысячу раз стирана-перестирана.

Он достал черный зонтик, которым пользовался время от времени, и раскрыл его у нее над головой. Чувствуя спиной взгляды мужчин на улице, а также пассажиров дребезжащих на ухабах автобусов, старуха старалась держаться поближе к мистеру Вагхеле.

У ворот произошла небольшая заминка. Мистер Вагхела что-то сказал охраннику, махнув рукой в сторону верфи. Речь его звучала весьма агрессивно и воинственно, словно охранник совершил преступление, пустив молодых людей внутрь.

Охранник что-то промямлил в ответ и открыл ворота.

Вопреки ее ожиданиям, вместо нормальных судов она увидела проржавевшие остовы старых посудин. По ним, словно муравьи, ползали крошечные человечки, они явно не замечали скрежета разрезаемого металла и пронзительного визга стальных резаков. Рабочие ловко орудовали сварочными горелками, молотками, гаечными ключами, заунывные звуки их разрушительной деятельности эхом разносились вокруг.

Корпуса кораблей, сидевших глубоко в воде, были обвязаны веревками, с них свисали до невозможности шаткие платформы, с помощью которых металл доставлялся на берег. Уже ближе к берегу старухе пришлось прикрыть

лицо рукой, так как в нос шибанула вонь от свежих бытовых отходов и какой-то химии. На небольшом расстоянии от нее несколько костров отравляли ядовитым дымом прозрачный воздух.

— Пожалуйста, смотрите себе под ноги. — Мистер Вагхела ткнул пальцем в серый песок. — Не уверен, что это хорошее место. — Он явно сомневался в том, что поступил правильно, взяв ее с собой, а не оставив в кафе.

Но ей вовсе не улыбалось сидеть там в гордом одиночестве под взглядами незнакомых мужчин.

— Мистер Вагхела, ничего, если я буду за вас держаться?

— Полагаю, это было бы крайне желательно, — ответил он и, прищурившись, посмотрел вдаль.

Вокруг них на песке высились напоминавшие огромные турбины груды ржавых балок, валялись смятые стальные листы. И все были обмотаны толстенными цепями, облепленными ракушками. Кое-где цепи просто лежали на песке спутанными кольцами, словно гигантские спящие змеи, рядом с которыми, точно пигмеи, копошились рабочие.

Дженнифер нигде не было видно.

Небольшая компания мужчин кучковалась на песке возле воды, кто-то держал в руках бинокли, кто-то прохлаждался возле своих велосипедов, и все как один смотрели в сторону моря. Еще крепче вцепившись в мистера Вагхелу, она остановилась, чтобы приспособиться к адской жаре. Затем они стали медленно спускаться к берегу, туда, где, оживленно переговариваясь, расхаживали взад-вперед какие-то мужчины в пыльных спецовках, с уоки-токи, а у ног родителей играли дети.

— Еще один корабль пришел, — показал пальцем мистер Вагхела.

Они смотрели, как несколько буксирных судов тащат старый танкер, который по мере приближения к берегу

вырисовывался все отчетливее. Мимо с ревом пронесся японский внедорожник и резко затормозил в нескольких сотнях ярдов от них. И именно в этот момент они услышали сердитые голоса и, обогнув целую гору газовых баллонов, заметили в тени гигантского металлического корпуса небольшую толпу людей, в гуще которой явно шла какая-то разборка.

— Мэм, должно быть, нам следует пойти в ту сторону, — сказал мистер Вагхела.

Старуха кивнула. Она начала всерьез беспокоиться.

Мужчина, чей объемистый живот выделял его на фоне остальных даже больше, чем шикарная машина, подрядчик судоразделки, махал руками в сторону корабля, сопровождая свою негодующую речь брызгами слюны. Перед ним, в окружении толпы работяг, стоял Санджай. Он явно пытался урезонить мужчину и примирительно жестикулировал, держа руки ладонями вниз. Дженнифер, объект гнева подрядчика, приняла ту самую позу, которую ее бабушка хорошо запомнила еще с тех пор, когда девушка была подростком: бедро вызывающе выдвинуто вперед, руки скрещены на груди, голова надменно откинута.

— Можешь сказать ему, — периодически вмешивалась она в разговор, — что у меня и в мыслях не было что-то сделать с его треклятой посудинной. И вообще, просто смотреть законом не запрещено.

— Джен, в том-то и проблема, — повернулся к ней Санджай. — У нас существует закон, запрещающий смотреть. Когда ты нарушаешь границы чьей-либо собственности.

— Это берег! — заорала она на подрядчика. — Длинной десять километров. Где ходят тысячи треклятых людей. Ну, посмотрела я на несколько ржавых посудин. И что это меняет?

— Джен, пожалуйста...